

Хунси послушно отвечал на расспросы родителей. Супруги Фухэн с нескрываемым облегчением наблюдали, как их младший сын мало-помалу возвращается к жизни, покидая свой замкнутый мирок. Заметив, однако, набежавшую на его лицо тень усталости, они поспешили отправить мальчика отдыхать.

Проводив взглядом Хунси, ушедшего под руку с Иньти, госпожа Гуалгия прижала к глазам шелковый платок, беззвучно разрыдавшись. Фухэн и сам едва сдерживал чувства — ресницы его подозрительно блестели. Их маленький Чэнчжай с самых пелёнок рос нелюдимым, дичился каждого встречного и лишь к Яолиню питал некое подобие привязанности. Только года три назад лёд в его душе начал таять, и мальчик впервые несмело улыбнулся людям...

Фухэн ласково обнял жену за плечи. Он давно уяснил простую истину: хочешь жить в ладу с миром — умей ценить то, что имеешь. И сейчас, вопреки былым невзгодам, их удел казался ему почти благословением.

Тем временем Хунси молча шёл вслед за Иньти к их общему флигелю. Один мучительный вопрос не давал ему покоя, и единственным человеком, способным — и вправде — дать на него ответ, был его старший дядя.

Оказавшись в покоях, Иньти велел подать горячий взвар из сушёных ягод и жестом отослал слуг прочь. Створки дверей затворили наполовину, оставив лишь узкую щёлочь света. Дядя и племянник уселись друг против друга у широкого окна.

Глядя на застывшее лицо подростка, Иньти неторопливо сделал глоток, катая терпкий напиток на языке. Он прекрасно понимал, к какому разговору клонит Хунси. Мальчишка по сей день метался в тисках былых призраков. Что ж, если так — пусть лучше сразу взглянет правде в глаза, без прикрас и жалости.

Подобрав нужные слова, Хунси наконец поднял взгляд. Заметив горькую усмешку дяди, он понял, что его замысел разгадан. Натянутые струны в груди внезапно ослабли: дядюшка Иньти давно приготовил для него ответ.

Подросток опустил глаза и сделал судорожный, короткий глоток из пиалы.

В этой удушливой тишине Иньти вдруг захотелось рассмеяться. В упрямстве Хунси сквозила чистая порода Баочэна — та же гордая осанка, те же замашки. И всё же в племяннике жила детская наивность. Хорошо, что Иньти читал его как раскрытую книгу. Иначе этот гордец, прячущий за напускным безразличием дрожь в коленях, вспыхнул бы от первой же неловкой фразы и умчался прочь, хлопнув дверью.

— Дядюшка, — наконец глухо выговорил Хунси, рубя с плеча, без лишних предисловий. — Скажи... кем мы вообще были для деда?

Иньти не ожидал такой беспощадной прямоты. Словно наткнувшись на невидимую стену, он

замер, а затем тяжело уронил:

— Отец... Наш великий император Канси просто не умел быть отцом. Подумай сам, он сел на престол восьмилетним мальчишкой. Вся его жизнь — это привычка держать узду, контролировать каждый вздох империи. Баочэн лет до пятнадцати рос безупречным, послушным наследником. Шаг вправо, шаг влево — только по воле государя. Но мальчик вырос. У него появились свои суждения, своя воля. И отцу это пришлось не по нраву. Он испугался этой чужой силы. Тогда-то и родилась его пресловутая «справедливость» — он принялся демонстративно превозносить остальных сыновей, стравливая нас между собой...

Иньти осёкся. Хунси беззвучно улыбнулся. То была невесомая улыбка, лишившая его лицо привычной угрюмости, точно все прежние демоны были лишь игрой воображения.

Вздохнув, Иньти поднялся, пересел поближе и крепко сжал плечо племянника.

— Хунси, старик и сам толком не понимал, чего хочет. На его плечах лежал слишком тяжкий груз... Всё это болью поросло. Мы здесь, мы живы, мы вместе. К чему ты сам себя пытаешь этой памятью?

— Я ведь и сам не желал такой участи, — Хунси тихо вздохнул, и в его глазах, глубоких, точно бездонные колодцы, не отразилось ни гнева, ни пустоты — лишь бескрайняя растерянность. — Начать всё с чистого листа... О лучшем даре и просить грех. Я и сам не знаю, за что цепляюсь. Но эта обида... она застряла в груди костью, ноет и ноет, не давая вздохнуть. Все давно забыли, а я помню. Когда я умирал в одиночестве, мне и в голову не приходило, что судьба вновь сведёт меня со старыми знакомцами. Думал порой: а что, если встречу их? И что тогда? — Он криво усмехнулся, и это отозвалось едкой горечью. — Броситься на них с кулаками? Проклинать до хрипоты? Рвать зубами? Дело не в том, что я не умею проигрывать. Просто на душе гадко. Мы ведь не совершили никакого зла. Так за что нас заживо замуровали в четырёх стенах? А тот, кто толкнул нас в эту пропасть, до конца дней строил из себя мученика, перед которым вся Поднебесная в неоплатном долгу! И ведь мне не нужно их раскаяние. Прощение — лишь дешёвое утешение для лицемеров. И мучить себя я не хочу. У меня теперь есть отец, есть ты, Хунши... Я могу увидеть младших братьев из прошлой жизни. Обо мне заботятся, меня берегут. В этой жизни у меня чудесные родители, любящий старший брат — вон, на днях учил меня владеть клинком, пытался развеять мою тоску... Понимаю, глупо это. Кажусь себе неблагодарной тварью, которая никак не отпустит давно истлевшее прошлое. Но... — Он прижал ладонь к груди, прямо напротив бьющегося сердца, и судорожно сжал пальцы на тонкой ткани халата. — Но здесь болит. Чем ярче моё нынешнее счастье, тем невыносимее память о перенесённых муках. Эта боль вьелась в плоть и кровь, пропитала кости. Стоит задеть — и кричать хочется от судороги. Пока жива память, рана не затянется. А пока я дышу — я не забуду. — Хунси улыбнулся, но от этой улыбки веяло таким отчаянием, что она была страшнее любых рыданий. — Наверное, я просто мелочный и злопамятный. Годы в заточении не смирили меня, лишь затянули узел ещё туже. Время не лечит, дядюшка, оно лишь слой за слоем накладывает безысходность. Тяжесть эта никуда не делась, она лежит поперёк моей дороги, и обойти её я не могу. Может, в следующий раз, прежде чем сделать новый вдох в чужом теле, мне стоит выпить не одну, а сразу две чаши у моста Забвения?

Иньти молча прижал сорвавшегося на крик племянника к груди. В прошлой жизни он сам

провёл в заточении тридцать с лишним лет. Время — безжалостный жёрнов, оно стёрло почти все острые углы его характера. Он не сошёл с ума в тех четырёх стенах лишь потому, что изо дня в день согревал душу воспоминаниями. С каждым годом картины былого счастья — редкие дни, проведённые с Баочэнем, улыбка матушки, наставления дяди — становились всё ярче, а память о том, как он летел во весь опор по бескрайней степи навстречу свистящему ветру, обретала почти осязаемую чёткость. Стоя на коленях в тишине молельни, он перебирал эти драгоценные мгновения, словно чётки, бусину за бусиной, и в этом нехитром ритуале незаметно пролетел остаток его земного срока. Иньти принял свой удел без ропота. Тот финал он выбрал сам, своими руками соткал собственную судьбу, а потому обрёл редкое умиротворение и никого не винил.

Но мальчик, что сейчас дрожал в его объятиях, перенёс иное. Он собственными глазами видел, как угасают его близкие, истерзанные неволей и безвестностью. Их предсмертные улыбки, присущие измученным людям, обретшим долгожданное избавление, — до сих пор терзали его душу, точно раскалённое железо. А под конец Хунси и сам сгинул в безмолвном одиночестве, погребённый под лавиной грязных обвинений...

Хунси мёртвой хваткой вцепился в плечи дяди, содрогаясь от злых слёз. Накопившийся яд наконец хлынул наружу. Он никогда не посмел бы выговорить это Иньжэну — тот лишь сильнее извёл бы себя безжалостным чувством вины. Не мог довериться и Хунши — этот мальчишка и без того слишком глубоко всё прятал в себе. А уж открыться кому-то из нынешней семьи было и вовсе невыносимо. Память о прошлой жизни пролегла между ними непреодолимой пропастью, разделив их существование на два разных мира. Какое великое счастье, что рядом оказался дядюшка.

Когда у тебя есть надёжное плечо, в которое можно уткнуться, даже слёзы становятся облегчением. Тот, кто ещё способен плакать, хранит в глубине души едва заметную искру надежды. Настоящая же смерть сердца приходит тогда, когда источник слёз иссыхает навек.

Иньти баюкал Хунси так, как в далёком детстве качал захворавшего Баочэна. Он устроил голову мальчика у себя на плече и бережно, размеренно поглаживал его по спине. Постепенно судорожные вздохи утихли, плечи расслабились, и Хунси, сморённый душевной бурей, провалился в тяжёлый сон.

Иньти бережно перенёс племянника на постель и укрыл одеялом. Заслышав шорох, в комнату бесшумно скользнул слуга. Забрав у него таз с горячей водой, Иньти смочил мягкое полотенце и осторожно отёр заплаканное лицо Хунси, а после положил ему на припухшие веки прохладную влажную ткань. Мальчик лишь слегка повёл головой, но не проснулся. Иньти тихо вздохнул:

«Слишком, слишком сильно он устал».

Выпрямившись, Иньти вышел во внешние покои, чтобы умыться.

Опустив полотенце в медный таз, он скользнул взглядом по склонённой голове служанки и

негромко обронил:

— Четвёртый молодой господин останется на ночь здесь.

Служанка безмолвно поклонилась и вышла. В усадьбе Фухэна никого не удивляла подобная привязанность: все домашние давно привыкли, что нелюдимый четвёртый молодой барин души не чает в третьем молодом господине. Они с самых малых лет были неразлейвода и частенько ночевали в одной комнате.

Позволив слугам снять с себя верхний парадный халат, Иньти скользнул под тяжёлое стёганое одеяло, мягко притянул к себе спящего племянника и прикрыл глаза.

Едва миновала вторая стража, как ночную тишину прорезал тревожный птичий крик, слившийся с тонкой, точно свист флейты, трелью ночного дозора. Звуки вспорхнули и мгновенно растаяли, оставив ощущение лёгкого наваждения. В ту же секунду оконная рама бесшумно распахнулась, хотя во дворе царило полное безветрие, и на пол легла холодная серебряная полоса лунного света.

Оба они мгновенно открыли глаза. Сон слетел в секунду. Иньти проснулся абсолютно трезвым, во взоре же Хунси ещё блуждала лёгкая сонная дымка. Переглянувшись, они без слов поняли друг друга: Хунси досадливо поморщился, а Иньти лишь молча усмехнулся. Сбросив одеяло, они поднялись и принялись торопливо оправлять одежду.

Хунси бесшумно соскользнул с постели, налил в две чарки чистой воды, подмешал туда по ложке мёда и протянул одну из них Иньти, который лениво полулежал, привалившись к изголовью.

Дядя неторопливо принял чарку, осушил её до дна и поставил на низкий столик. Затем негромко хлопнул в ладоши.

Из глубокой тени у стены соткался тёмный силуэт. Бесшумно опустившись на одно колено перед Иньти, пришелец застыл в приветствии, даже не взглянув в сторону Хунси.

Иньти полуприкрыл глаза, храня царственное молчание.

Хунси опустил на низкую скамью для ног и, тонко улыбнувшись, негромко, точно обращаясь к самому себе, спросил:

— Ну что, надоедливый хвост уже обрубил?